

Исследование религии и образование¹

Теория и практика религиозного образования и изучение религии (study of religion) в целом затруднены сложившейся неразберихой. Мы постараемся разобраться, почему. В то же время, по моему мнению, первостепенная задача – выразить принципы такого изучения (study) – я бы предпочел называть его исследованием (exploration) – религии. Действительно, существуют некоторые проблемы с определением религии и вопросы о том, как возможно понимание религии, но, в сущности, они маргинальны и излишне раздуты.

Чем же тогда является изучение или исследование религии?²

Во-первых, религия означает религии. Очевидно, что исследуя религию, мы по меньшей мере вовлечены в исследование религиозных традиций. Возможно, в Британии мы обращаем больше внимания на христианство, чем на буддизм, и, наоборот, в Таиланде и Шри-Ланке больше внимания уделяется буддизму, чем христианству. Но есть что-то иррациональное и равнодушное в изучении религии лишь через призму одной традиции. Это все равно, что изучать политическое поведение, сосредоточившись на Вильсоне и Тэтчер, забыв о Брежнев, Мао и Линдоне Джонсоне³. Поэтому в первую очередь изучение религии должно быть многосторонним. Я не предлагаю во всех университетах и школах изучать все возможные религии. Необходимо, очевидно, принимать решения об источниках и делать выбор.

Во-вторых, исследование религии не должно определяться религиозной позицией. То есть, не должно признаваться бытие и, наоборот, небытие Бога. Несомненно, исследователь может верить в Бога или прийти к этой вере, может стать буддистом или марксистом. Но эти индивидуальные решения не должны придавать форму исследованию. Отсюда два следствия. Первое: такое исследование подразумевает институциональную открытость (непросто его предпринять в тоталитарном обществе). Второе: оно должно следовать определенной методологии – феноменологической.

Такое исследование должно быть справедливо в двух моментах – во-первых, фокусы религиозных верований и поведения являются реальными, а не только абстракциями; во-вторых, их реальное существование может быть предметом *epoché*, понимаемого здесь как отстранение от веры или неверия. В качестве иллюстрации: тот, кто хочет исследовать индуизм, должен почувствовать воздействие Шивы и Вишну на своих последователей. Ему не удастся полностью понять их, если он не сможет ухватить богатство реальности в глазах верующих. Но ухватить не значит принять или отвергнуть индуистскую теологию. Хотя исследование религии с одной точки зрения может рассматриваться как попытка описать определенную сторону поведения человека, с другой оно имеет дело со сверхъестественными или таинственными фокусами религиозного поведения.

---

¹ Перевод с английского языка выполнен К.А. Колкуновой по изданию: Smart N. The Exploration of Religion and Education // Oxford Review of Education, Vol. 1, №2, Education and Pluralism. - 1975, pp. 99-105.

² В некоторой степени здесь я опираюсь на более ранние свои работы, в особенности «The Principles and Meaning of the Study of Religion» (1967: лекция по случаю вступления в должность профессора Ланкастерского университета); «Secular Education and the Logic of Religion» (1968); «The Phenomenon of Religion» (1973) и «The Science of Religion and the Sociology of Knowledge» (1974).

³ Гарольд Вильсон – премьер-министр Великобритании в 1964-1970 и 1974-1976 годах; Линдон Бэйнс Джонсон – президент США в 1963-1969 годах. – *пер.*

Изучение религии должно быть множественным, феноменологическим и аспектным. Поскольку часто в область религии интенсивно вторгаются чувства, исследование также должно быть сопереживающим (empathetic) (и, более сердечно, любящим – исследователь буддизма, равнодушный к нему, вряд ли достигнет успеха). Исследователю нужна особая форма чувствительности (sensitivity). Можно сравнить такое исследование с рассмотрением литературы и поэзии.

Другим свойством исследования является его неограниченность (non-finite) в том смысле, что его границы могут быть очерчены лишь приблизительно. Например, некоторые политические идеологии обладают рядом свойств, типичных для религии, например, маоизм с его доктринами, этическими ценностями, опытом обращения, ритуалами и т.п. И хотя мы можем не решаться назвать его религией в полном смысле слова, маоизм все же в чем-то аналогичен ей и мы можем ожидать, что методы и цели, характерные для исследования религии (religious exploration) окажутся адекватными и полезными и в случае маоизма. Кроме того, важная причина, почему мы предпринимаем исследование религии и религий, связана с истиной. Мы ищем понимания религии, чтобы найти лучший подход к религиозным истинам. Поэтому любой системе, соперничающей с религией, должно отводиться место в исследовании религиозной истины.

Теперь обратимся к вопросу направления или целей исследования религии (поскольку поиски религиозной истины могут быть такой целью, но мы пока оставим такие поиски в стороне, поскольку они выходят за пределы описательного и эмпатического рассмотрения).

Первая причина исследования религии – просто заинтересованность в ней. Исследование может быть подобно прослушиванию любимой музыки; и нам не нужно здесь искать другие уровни мотивации.

Впрочем, помимо возможного интереса, религия безусловно важна, причем с разных точек зрения. Во-первых, из-за ее необычайных возможностей в формировании человеческих культур и истории. Рассмотрим один, возможно, наиболее драматический пример: не прошло и века со смерти пророка Мухаммада, а ислам стал уже не просто значимой в мире силой, но и основал новую цивилизацию, охватывающую земли от Испании до Центральной Азии. Разумеется, религия важна не только как формирующая сила.

Религия может занимать оборонительную позицию и распространяться благодаря силам, существующим вне ее структуры. В самом деле, один из эмпирических вопросов, которые всегда надлежит держать в голове – надет ли сапог в конкретных социальных или исторических условиях на религиозную ногу или какую-то другую, а если не пользоваться упрощающей метафорой – являются ли какие-то религиозные факторы формообразующими (formative) или нет. Например, в современной Шри-Ланке буддийская идеология Шриланкийской партии свободы (Sri Lanka Freedom Party) является одной из причин напряженных отношений с тамильским сообществом, но целиком политическая, экономическая, историческая ситуация оказывается настолько запутанной, что любая количественная оценка религиозных факторов будет невозможной или ошибочной, если ее не поместить в более широкий контекст. Но едва ли из этого следует, что современному аналитику ситуации следует избегать суждений о значимости религиозных факторов. Экономические факторы так же сложны для анализа.

Вкратце религия чрезвычайно значима для истории, искусства, общества, политики и так далее. Как таковую ее необходимо изучать множеством методов и дисциплин: историк, социолог и многие другие могут обращаться к движениям и структурам религии. Отметим, что исследование религии исполь-

зует множество методов (polymethodic) (в этом оно подобно политологии, экономике и социологии, которые сами также многоаспектны; очевидно, что различные измерения их исследования необходимо пересекаются).

Третья важная причина для исследования религии может быть в чем-то личной – поиск веры и суждение о религиозных истинах; или напротив, вера, ищущая понимания. В каждом из этих случаев исследователь ищет не только описательного понимания, но и оценки. Выходя за пределы истории, он ищет параисторической (parahistorical) интерпретации. Отношения между описательным или «научным» исследованием религии и поиском истины (поиском решений об истинности притязаний религий) безусловно, сложные. Необходимо провести четкую демаркационную линию, а затем ее преодолеть. Я не утверждаю, что научное изучение религии можно отделить от философского и теологического подходов, по причинам, которые будут изложены ниже. Но, с другой стороны, я полагаю, что господство теологии искажает описательное исследование религии. Хвост вероучения не должен вилять собакой истории. Былая узость изучения религии в этой стране [Великобритании – прим. перев.] происходила от такой «перевернутой» традиции (естественной в своей исторической эволюции, но нуждающейся в критическом переосмыслении). Теология истеблишмента не всегда была открыта эмпирическому, многостороннему (pluriform), многостороннему исследованию религии. Сейчас, впрочем, она открыта. Обратимся же теперь к логике обучения; ниже мы рассмотрим институты и образование.

Причины, по которым даже описательное изучение религии должно использовать аппарат философии и теологии, таковы. Во-первых, некоторые попытки объяснения власти религии над людьми приобретало формы проекционистских теорий (projectionist) – например, у Фейербаха, Маркса, Фрейда и даже Бергера (по крайней мере, времен работы «The Social Reality of Religion»). Такие теории невозможно оценить, не опираясь на философские догадки (insights) и проблемы (enquiries). Во-вторых, интеллектуальная история религий опирается на аргументы и доктринальные притязания, даже если ее конечная цель действительно историческая. Здесь можно провести параллель с историей философии – на нее проливает свет знакомство с аристотелевской теорией субстанции. Несмотря на это, не следует преувеличивать значение философии и теологии для истории религии. Главная причина, почему поиск истины является естественной аспектом исследования религии, состоит в том, что индивиды или группы хотели бы увидеть, как сила религии (power of religion) работает в отношении их собственных убеждений (или их отсутствия). Однако следует максимально ясно выразиться относительно разницы между исследованием истин о религии и исследованием истины в религии.

Итак, основные причины изучать религию таковы: интерес к религии, важность религии (importance of religion), и вопрос истины религии. Я показал, что описательное исследование религии более важно, или, по крайней мере, обладает логическим приоритетом в отношении поиска истины. Как можно искать истину без понимания?

Разумеется, порой говорят, что нельзя понять религию, не принадлежа к ней, и это могло бы пошатнуть мою позицию. Но такое возражение неубедительно по ряду причин. Во-первых, в действительности некоторые лучшие работы о буддизме написаны не буддистами (это относится и к другим религиям). В действительности трансрелигиозное (trans-religious) понимание одной религии носителями другой культурной традиции никогда не происходило настолько эффективно, как в настоящее время. Во-вторых, такое возражение не принимается серьезно в антропологии, а антропология включает исследование религии. В-третьих, понимание может принадлежать различным уровням: есть

более или менее глубокое, более или менее поверхностное. Таким образом, оно не принимает вид «все-или-ничего», тогда как аргументы о принадлежности к той или иной традиции ставятся как раз таким образом. В-четвертых, что создает традицию? Может ли баптист с легкостью понять ирландского католика? Часто близость сама по себе порождает отчуждение. Незнакомцы оказываются понятнее, чем родные. В-пятых, аргумент о принадлежности как необходимом условии понимания (между прочим, используемый теоретиками Black Studies⁴ в США) имеет политические корни: он является частью идеологии просветительского характера власти – или, проще говоря, политика христианского истеблишмента в новой, более обходительной, форме.

Все перечисленное не является попыткой преуменьшить проблемы, стоящие перед исследователем религии. Возможно, ему несимпатична изучаемая традиция; это нужно преодолеть. Возможно, он никогда не сталкивался с определенными ритуалами: каков на самом деле вайшнавизм в западной Индии? Следует хотя бы посмотреть документальный фильм с комментарием. Возможно, он не обладает необходимыми переживаниями и вынужден использовать собственное воображение. Возможно, у него странное (odd) представление о религии (что распространено в академической среде). На самом деле (хочется сказать), у него должна быть хорошая карма, чтобы преуспеть. Но все эти проблемы сводятся к вопросам об опыте, разуму и склонностям – то же касается и всех прочих предметов исследования. Я говорю об этих проблемах, поскольку они подчас мешали интересам более узко и традиционно понимаемого исследования религии (study of religion); с другой стороны, традиционное исследование всегда ставило высокую планку, хотя его логика и была слабой.

Подводя промежуточные итоги: исследование религии по сути является многосторонним, эмпатическим, феноменологическим, аспектным, неограниченным, полиметодическим (polymethodic) и, наконец, ищущим истину (truth-questing) (в данном случае последнее место определяется в том числе и значимостью). Фокус исследования направлен прежде всего на понимание, а это в свою очередь определяет, насколько беспристрастным оно будет и насколько глубоко сам исследователь будет вовлечен в него.

Таковы наши заключения. Как их применить к образованию?

Само собой разумеется, что образование должно быть плавным. Обучение в университетах и институтах должно строиться на тех же принципах, что и в школах; то, что происходит на Шри-Ланке, должно опираться на те же нормы, что и в Шотландии. Разумеется, это не значит одинаковых предметов изучения, одинаковых посылок, одинаковых нюансов: само по себе такой подход стал бы предательством принципов универсальности. Принципы нуждаются в разнообразных приложениях, иначе они станут объектами насмешек, поскольку перестанут отражать реальность.

Представление о том, что такая универсальность должна существовать в рамках религиозного образования в британских школах, не так распространено даже в университетской среде. Возможно, особенно сильно это чувствуется в колледжах (однако, что выявят на этом фронте проводимые преобразования?). Будет полезным делом – рассмотреть беспорядочное употребление названий для рассматриваемого нами предмета. Начнем с терминов, используемых в высшем образовании, затем обратимся к школьному опыту. К каждому термину я привожу небольшой комментарий, так как считаю эту терминологию

---

⁴ Исследования, направленные на изучение культуры и религии чернокожего населения США. – пер.

гию симптоматичной в условиях существующей путаницы. Начнем с терминов, встречающихся в высшем образовании.

Мы обнаруживаем следующие названия: теология (theology), богословие (divinity), религиозные исследования (religious studies), религия (religion), феноменология религии и принципы религии (principles of religion); также библеистика, иудаика и др.

«Теология» (Theology) – понятие, без сомнения, освященное традицией; оно доминирует в Великобритании, в то время как в Северной Америке наиболее употребительно название «религия». На мой взгляд, у него есть два недостатка. Во-первых, оно само по себе эллиптически. Если бы люди соглашались в вопросе о природе понятия «*теос*», то логика могла бы быть универсальной. В действительности же «теология» в Великобритании обозначает преимущественно христианскую теологию, кроме того, как я уже говорил, в этом понятии содержится эллипсис, который принимают не все, кто пользуется этим термином (involved) и который плохо согласуется с некоторыми чертами исследования религии, которые мы обозначили выше. Во-вторых, неизбежный импульс (nisus) этого термина направлен на рациональное и оценочное изучение религий, что само по себе не так печально, но приводит к предвзятости, по причинам, рассмотренным выше.

«Богословие» (Divinity) также освящено традицией, и оно опять же узко и эллиптически. Оно предполагает, что мы исследуем божественное (divine); в этом нет ничего дурного, однако же – это лишь часть всего исследования. И из-за содержащегося в нем эллипсиса «богословие» уклоняется от необходимого *epoché* – отстранения от веры и неверия, которое должен совершить исследователь.

«Религиозные исследования» (Religious studies) – относительно новое выражение для Британии. Оно удобно для практических целей как попытка выйти за пределы теологии. Впрочем, оно достаточно громоздкое. Приятная простота свойственна, к примеру, названию «Религия», наиболее употребимому в США и Канаде.

«Феноменология» и «Принципы религии», преподаваемые в Глазго, вреда не причиняют, но эти названия немного эксцентричны. Однако они представляют собой симптом попыток избежать использования понятий «теология» (theology) и «богословие» (divinity).

Что касается «Библеистики» и т.п. – они обозначают конкретную специализацию в более широком поле изучения религии.

Теперь обратимся к многообразию названий предмета на уровне школы. Нам встречаются: богословие, религиозные исследования – как и выше, а также религиозное образование (religious education), религиозное обучение (religious instruction), религиозное знание (religious knowledge), Писание (scripture), изучение Писания (scripture knowledge).

Использование названий «Писание» и «изучение Писания» восходит к периоду, когда (христианская) Библия была основой обучения в школе. Слово «изучение» – плод непродуманной попытки избежать проблем с различием между церковью и учительством.

«Религиозное обучение» (Religious instruction) подразумевает, что существует определенное соглашение о том объеме информации, которое необходимо передать ученикам. Сейчас это понятие не в почете, поскольку оно плохо согласуется с идеями плюрализма и неконсервативного общества, а также противоречит направлению в педагогике, которое направлено скорее на самостоятельное исследование, а не на пассивное обучение. Следовательно, сейчас в моде термин «религиозное образование» (religious education).

К сожалению, названия предмета в среднем и высшем образовании мало связаны. Я бы предпочел, чтобы предмет назывался одинаково на разных уровнях образования – как, например, «история» (для которой нам не нужно понятие «историческое образование»). Кроме того, есть проблема с сокращениями, существует тенденция называть предмет Р.О.⁵, что приводит к совершенно нелогичному выражению «преподавать Р.О.». Строго говоря, «преподавать религиозное образование» значит учить будущих учителей, как преподавать религию. По этой причине я бы предпочел для школьного предмета название «религия» или «религиозные исследования».

Очевидно, мы наблюдаем полную неразбериху с названиями, которая основывается на прежнем представлении о христианстве как государственной религии (state religion), которой можно обучать, но которая сама по себе закрыта для споров. Это также означает, что религия считалась не областью опыта, подлежащей исследованию, а скорее списком доктринальных и этических положений для внушения.

Стоит отметить, между прочим, что большой беспорядок вносит само понятие «преподавать» (to teach). *Моя* идея преподавания буддизма или христианства такова: необходимо дать понимание истории, этики, идей, ритуалов, влияний, развития и т.д. христианства и буддизма. Это не значит преподавать догмы, хотя часто под наукой понимают именно это, поэтому, когда недавно в Бирмингеме приняли решение «преподавать» коммунизм, простые люди (ordinary folk) (то есть практически все) решили, что речь идет о внушении юношам и девушкам идей марксизма.

Но что же ждет нас в будущем? В настоящем происходит своего рода революция в Британии, Канаде, Австралии, Скандинавии и в других странах. Вероятно, не случайно, что меньше перемен наблюдается в преимущественно католических странах, не только потому что католики менее подвержены переменам (в экуменическом контексте они, наверное, даже авантюристы), скорее, потому, что северным странам более свойственны открытые политические традиции. В странах третьего мира другие проблемы и нужды религиозного национализма не способствуют плюрализму. В это же время в странах с ограниченной идеологической свободой в принципе не стоит вопрос свободного исследования религии и религий. На мой взгляд, это серьезнейшее упущение – не позволять свободно исследовать истину, религиозную или нерелигиозную. Поэтому новое религиозное образование само по себе уже является значительным вкладом в человеческий реализм (human realism). Его логика и построение еще нуждаются в доработке, но это уже дело завершения долгого процесса политического и экономического развития. Теперь обратимся к паттернам религиозного образования в школах Великобритании.

Для начала, рассмотрим логику наших наблюдений о сущности исследования религии в отношении к актуальному положению дел в Великобритании. Другими словами, как такую теорию можно осуществить?

Во-первых, нужно принять решение о действительной значимости религии. В настоящий момент религия так или иначе преподается в каждой школе. С другой стороны, лишь в немногих школах дети изучают испанский язык. Действительно ли религия настолько важнее, чем испанский? Я не считаю вопрос о повсеместном присутствии религиозного образования в той или иной форме бесспорным. И все равно, людям необходимы возможность нейтрально взглянуть на эмпирические проблемы влияния религии и ее притязаний на истинность. С этой точки зрения, религия должна занимать значительное место в

---

⁵ От «Религиозное образование», по аналогии с англ. R.E. (от «religious education»). – *пер.*

школьном расписании. К сожалению, если отменить ее обязательное присутствие, многие школы – возможно, большинство – отбросят религиозное образование из реакции или из сомнений в интеллектуальном статусе дисциплины.

Во-вторых, логика, которой я придерживаюсь, подразумевает, что религия является или может быть полем исследования, сравнимым с любым академическим или экспериментальным исследованием. Отсюда следует, судить о ней нужно точно так же. В данный момент она очень часто обладает привилегиями обязательного курса и лишается привилегий на деле – например, по причине малого количества часов в расписании. Как ни странно, один из лучших способов придать предмету статус – это улучшить программы и стандарты.

В-третьих, необходимо осознавать то формирующее воздействие, которое на школьную программу оказали последние достижения психологии, в особенности исследования, вдохновленные работами Пиаже, осуществленные Голдмэном (Goldman), а в последнее время Хайдом (Hyde), Коксом (Cox) и Гейтсом (Gates).⁶ Итак, основной вывод в том, что чересчур абстрактный подход к религии оказывается не эффективным в образовании на первых этапах. Педагогам стоит поискать другие измерения религии в качестве содержания для курса.

В-четвертых, содержание должно соотноситься не только с опытом учеников, но и с реальностью. И здесь мы сталкиваемся с диалектикой. С одной стороны, религия должна рассматриваться в связи с опытом. Однако такое понимание может формировать достаточно узкую программу обучения. Например, благодаря Проекту школьных советов о религиозном образовании в начальной школе (Schools Council Project on Religious Education in Primary Schools) при Университете Ланкастера я участвую в работе, ведущейся в школах Северной Ирландии. Среди преподавателей там существует естественная тенденция: как бы они не стремились к более широкому обращению к религии, говорить только об актуальных проблемах межрелигиозных отношений. Они оказываются пленниками непосредственного опыта, как собственного, так и своих учеников. С другой стороны, мы нуждаемся в расширении программы. Рассмотрим этот вопрос в отношении мировых религий (называемых так за то, что они обладают большим влиянием и формируют устойчивый экзистенциальный вызов). Невозможно представить, как познакомить молодых людей с первичными знаниями о религии и при этом не предоставить им некую общемировую картину. Нравится им это или нет, буддизм является жизнеспособной альтернативой христианству и одной из трех величайших миссионерских религий, какие видел мир. Он является частью культуры большинства стран Азии от Индии до Японии. Поэтому любой парень в Белфасте должен иметь о нем представление. Таково противоречие между нуждами непосредственного опыта и необходимостью более широкого взгляда, но, разумеется, не только религиозное образование сталкивается с подобной диалектикой.

В-пятых, в свете неограниченного характера исследования религии, оговоренного выше, такое изучение должно охватывать широкий контекст – оно должно обращаться к множеству разнообразных образов жизни. В таком смысле оно окажется тесно интегрировано в социальные науки и моральное образование (moral education) (но что касается последнего, нельзя совершать ошибку, заключая, что моральное образование обязательно связано с религией: каждая религия содержит этику, но не всякая этика есть религия).

---

⁶ См. прекрасный обзор: Bugge K.E. Tendenzen und Projekte in der neueren englischen Religionspädagogik // *Theologia Practica*. – 1975. – P. 29 и сл.; см. также: Gates B. Varieties of Religious Education // *Religion*. – Vol. 3 (1973). – P. 52 и сл.

В-шестых, в Великобритании, как и в других западных странах, следует серьезно рассмотреть вопрос, какую часть времени надлежит уделить исследованию христианства. Очевидно, что эта доминирующая матрица в западной религиозной культуре должна получить долю внимания. Но в настоящий момент его исследование страдает от множества допущений: (принимаемые некоторыми) допущение уникальности и превосходства; сектантское допущение (*sectarian assumption*), а именно, мнение о том, что только «моя» версия христианства является истинной; допущение, поддерживаемое некоторыми, его – христианства – разрушительной и ограничивающей сущности и его, основанного на предрассудках, недостатка научности; местническое допущение, что повсюду то же самое, что и здесь, и т.д. Очень редко христианство подвергается такому же эмпатическому исследованию, как происходит с другими религиями, например, с буддизмом.

Я далек от убеждения, что для преподавания религии нужны собственные убеждения – очень часто они так или иначе мешают волнительному и насыщенному отображению радостей, проблем, влияний религиозной традиции. Поэтому приоритетное значение я придаю (и не только в нашей стране) подготавливающему преподаванию христианства.

В-седьмых, я считаю жизненно важным преподавание религии взрослым. Слишком многие считают религиозное образование средством воспитания хорошего поведения. Кто я, чтобы рассуждать о хорошем поведении? Этическое воспитание – работа не только школы, но и всего общества, всего народа. Неправильно ставить религию на службу британскому гражданству. Другие считают религиозное образование путем распространения христианства. Кто я, чтобы спорить? Но евангелизация не является, по сути, образовательной целью. Действительно, преподаватель может делать особый акцент на богатстве (или проблемах) христианства, или буддизма, или иудаизма; но это не тождественно проповеди.

В-восьмых, следует уделить некоторое внимание меньшинствам, например, иудеям, пакистанским мусульманам, сикхам и др. Такой подход следует из того же принципа, который мы рассматривали в связи со значением христианства для культуры, находившейся под его влиянием. Действительно, сикхи, проживающие в Британии, должны иметь знания о христианстве, хотя не каждый англичанин должен знать о сикхизме. Но сикх должен иметь возможность глубоко исследовать собственную религиозную и социальную традицию. Все это подтверждает необходимость плюрализма и выбора, в том числе в написании, как это недавно было воплощено в Бирмингеме⁷.

В-девятых, религиозное образование в первую очередь должно уделять внимание сопереживанию (*empathy*) и пониманию. Методы его должны быть предельно разнообразны. В идеале ученики должны смотреть фильмы, изучать конкретные случаи веры и т.д. Еще более идеальным было бы внимание к живым религиям (*living religions*) в данном регионе. Поскольку мы находимся на довольно примитивном уровне развития на каждой ступени образования, мы нуждаемся в антропологическом подходе к религиям. Разумеется, желательность такого подхода весьма важна как для собственной страны, так и для всего мира. Мы, как уже было отмечено, едва ли разбираемся в формах родного нам христианства.

В-десятых, исследование религии в отношении притязаний на истинность и оценок должно быть привязано к местным реалиям. Например, каково

---

⁷ См. на эту тему идеи Джона Холла (John Hall) в издании: Horder D., Smart N. *New Movements in Religious Education*. – London: Maurice Temple Smith, 1975.

действительное отношение людей к авторитету ученых? Как этот авторитет влияет на их фактическое мировоззрение? Как этому мировоззрению удастся (или не удастся) влиять на моральное и политическое поведение?

Завершу я свое рассуждение замечанием, что исследование религии и религий волнительно. У его нового лица масса выражений. Религиозные исследования (Religious studies) также важны, но должны быть оставлены епископам. Их нельзя игнорировать, скорее наоборот, без них будет гораздо меньше религии, меньше объектов для исследования.